

Виктор Пронин

Чертов палец



*Часть сборника
Выигрывать надо уметь
(сборник)*



Виктор Пронин

Чертов палец

«ЭКСМО»

Пронин В. А.

Чертов палец / В. А. Пронин — «Эксмо»,

«Наверно, это был октябрь, да, холодное, солнечное октябрьское утро. Асфальт покрывала первая изморозь. Листья, опавшие за ночь, тоже были в изморози, сквозь которую просвечивала их желтизна. Каждую ночь листьев опадало все больше, и все прозрачнее становились клены на улицах. И все больше становилось неба, холодного, осеннего, синего неба...»

© Пронин В. А.

© Эксмо

Содержание

КАРАДАГ-73	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Виктор Пронин

Чертов палец

КАРАДАГ-73

Наверно, это был октябрь, да, холодное, солнечное октябрьское утро. Асфальт покрывала первая изморозь. Листья, опавшие за ночь, тоже были в изморози, сквозь которую просвечивала их желтизна. Каждую ночь листьев опадало все больше, и все прозрачнее становились клены на улицах. И все больше становилось неба, холодного, осеннего, синего неба.

А по утрам была изморозь. Иней покрывал жестяные крыши домов, газетные и овощные киоски, на набережной серебрились на утреннем солнце серые камни парапета, чугунные решетки, ржавая баржа, которая стояла здесь все лето и служила причалом для прогулочных катеров.

Но больше всего на меня действовали листья – я шел по пустой улице, не отрывая взгляда от распластанных на асфальте кленовых листьев.

Было грустно, бывает.

Но это была грусть, которую я не променял бы ни на какую радость. Может быть, это была печаль? Или, как говорят поэты, светлая печаль? Не знаю, не знаю... Что-то было в этом утре, что-то было. И даже подыскивать слова, чтобы выразиться точно и неуязвимо... Не хотелось.

Как сказал, так и сказал.

Я шел, подняв воротник куртки, сунув руки в карманы, и тихо радовался холоду, осени, желтым листьям и, опять же, собственной несильной, как легкий хмель, грусти. Было такое ощущение, будто прощался с кем-то или с чем-то, похоже, навсегда.

А между тем, наверно, можно сказать, что прощание – едва ли не главное наше занятие на земле. Мы постоянно прощаемся с сегодняшним утром, вечером, другом, женщиной, выросшими детьми, уходящими родителями. С самими собой прощаемся... Сегодняшними. А если и случаются встречи...

Они тоже заканчиваются прощанием. И, едва родившись, мы начинаем прощаться с этой жизнью, но смерть все равно приходит неожиданно и вынуждает, комкая прощание, обрывать его на полуслове, полувзгляде, полужизни.

Невеселая, в общем-то, мысль, но, когда бредешь ранним утром по щиколотку в покрытых изморозью листьях, она кажется вполне естественной. Петляя по узким улочкам, я вышел на набережную – она была залита сильным холодным светом, а река посверкивала холодными солнечными зайчиками. За моей спиной с железным лязгом промчался грузовик, и его грохот долго еще был слышен за поворотом, этот грохот, кажется, раскалывал ломкий утренний воздух.

Я снова ушел в улочки. По подворотням и в закоулках еще таился ночной сумрак, и только вершины кленов и верхние этажи уже посверкивали розовой изморозью, потом я оказался на площади и как-то естественно, закономерно столкнулся там с девушкой. Это должно было случиться, она была продолжением этого утра, набережной, листьев на асфальте. Ее вполне можно было назвать девушкой, поскольку она несколько не изменилась за те пять лет, которые я ее не видел.

Она первой окликнула меня.

– Послушай, – сказала она, оказавшись уже за моей спиной. – А ведь ты не узнал меня! Я обернулся.

– Почему... Я сразу тебя узнал. Ты несколько не изменилась. Просто я не решился...

– Да ладно тебе! – улыбнулась она, и я увидел, что улыбка у нее осталась прежней. Правда, не вся улыбка, а только ее выражение, как бы слегка заговорщицкая, дескать, уж мы-то с тобой знаем, как все это понимать.

Она стояла по шиколотку в листьях. За ее спиной была пустынная улица, наполненная розовым утренним светом. Да, утро было розовым и дымящимся.

– Пошли, чего стоять. – Девушка коснулась моей куртки, и я увидел, что она волнуется.

Мы вошли в летнее кафе, увитое мерзлыми виноградными листьями, и сели за столик, покрытый ночной еще изморозью. Я взял два стакана кофе и сел напротив нее. Обхватив горячий стакан ладонями, она согревала их и смотрела на черный кружок кофе.

– Послушай, – сказала она, – а как все-таки получилось, что мы оказались порознь?

– Не знаю... Это было давно...

– Это было недавно, – усмехнулась она. – Мне все время кажется, что разбежались мы временно, как бы понарошку, что не сегодня-завтра все восстановится. У тебя такое бывает?

– Поначалу было... Но потом прошло.

– Появилось другое?

– Понимаешь... Такое чувство, что каждый мужчина... прости за дурацкое слово... живет со всеми женщинами, которых знал. В мыслях, конечно. Он разговаривает с ними, общается, продолжает выяснять отношения, эти отношения меняются, он может ссориться с ними, мириться, у них могут даже дети появиться... мысленно. Он делится своими неудачами, хвалится успехами...

– А передо мной ты хвастался?

– Случалось.

– Похвались сейчас! – Она рассмеялась.

– Не получится... Это же мысленное общение с самим собой, со своими капризами, заблуждениями, восторженными представлениями о самом себе...

– Как хочешь. – Она отхлебнула глоток кофе, зябко поежилась, откинула прямые темные волосы. На столе под стаканом образовался подтаявший кружок. После каждого глотка она ставила стакан на другое место, и появлялся еще один кружок, еще один. Как пулевые отверстия в светлом щите мишени. – Знаешь, – сказала она, разглядывая лист клена, упавший на стол, – я до сих пор не могу поверить, что все произошло так насовсем, так навсегда... не подумай, что я мечтаю что-то изменить, переиграть... Вовсе нет. Было ощущение, что поступки, действия, слова... любые... обратимы. Что можно расставить фигуры заново и сыграть иначе, лучше, разумнее.

– Ты не учитывала времени.

– Возможно. Я подумала... Я ведь могла оказаться с тобой, а не с ним.

– Ха! Ты бы изменяла мне. С ним.

– Да? Трудно сказать... Сам говоришь – надо учитывать время. А знаешь – мы ведь с ним не живем. Уже несколько лет.

– В чем же дело?

– Во многом. И в тебе тоже. Даже после свадьбы я не могла избавиться от мысли, что соперничество между вами продолжается. И когда оказалось, что рядом со мной только он... Он стал проигрывать. Что-то в нем исчезло... Сделался скучным. И каким-то... недобрый. А когда ты исчез... Похоже, ты придавал смысл нашим с ним отношениям.

– Не знаю. Это было давно. Первый шаг сделала ты, когда ушла к нему. А для него важнее была победа надо мной, а не над тобой.

– А для тебя? – спросила она, подняв стакан, будто боялась не совладать со своими губами, со своей улыбкой.

– Для меня он вообще не имел значения, прости, но он был слишком суетлив, тщеславен, что ли... Короче, мелковат. Но красавец... Ален Делон, блин! Мне хватало того, что именно

ему важна была победа именно надо мной. А ты для него так... Между прочим. Приз за удачное выступление.

– В самом деле?

– Помнишь, у меня ведь была возможность реванша.

– Почему же ты ею не воспользовался?

– Победа над ним меня никогда не привлекала. А победа над тобой не подчиняется законам реванша. Это нечто совершенно иное. И потом, было еще одно соображение.

– Какое?

– Я уже говорил.

– Но с таким же успехом я могла изменить и ему?

– Но не со мной. Когда он увидел, что я не воспользовался тем шансом, его победа потеряла значение. Ушла острота, чувство победы. Это все равно что марафонец прибежал первым, а потом выяснилось, что, кроме него, никто и не бежал. Допускаю, что он подумывал над тем, не поддался ли я ему умышленно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.